

К ПРОБЛЕМЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ИСТОРИОСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Исследование выполнено при поддержке РГНФ (проект № 12-33-01380 «Философско-методологические проблемы применения концептуального анализа в практике дисциплинарных и междисциплинарных исследований»).

Рассматривается проблема реконструкции такого сложного и специфического предмета исследования, как историософские идеи Ф.М. Достоевского, которые были выражены писателем не в привычной для исследователя цельной и строго философской работе, а в художественной «системе координат» (образах, сюжетах) и в публицистике. Дается собственный вариант решения поставленной проблемы.

Ключевые слова: методология; реконструкция; «центральная ось»; концепт.

1. Введение в проблему

Достаточно серьезным барьером на пути к научному познанию историософской (и философской в целом) концепции Ф.М. Достоевского является, в первую очередь, сложность проблемы ее реконструкции. Дело в том, что философская мысль Достоевского «бытийствует» не в рамках философского дискурса, а в художественных произведениях и отчасти в публицистике. Разве такая специфичность предмета исследования (так сказать, ее «эссенция» и «экзистенция») не требует специфического набора методов его постижения, специфического подхода к нему в целом? Думается, что требует. В таком случае не нуждается ли сама эта проблемная ситуация в философской рефлексии? То есть не должны ли мы, прежде чем перейти к исследованию смысла, определению содержания, поиску источников историософии Достоевского, в первую очередь рефлексировать над проблемой ее постижения? Итак, основной вопрос нашего исследования относится к области методологии и может быть сформулирован в первом приближении следующим образом: как возможна реконструкция историософской концепции Ф.М. Достоевского, если она выражена им «в красках», а не посредством философского «логоса»?

Вопрос о методологических основаниях реконструкции философии Ф.М. Достоевского *основательно* не разработан (а вопрос о проблеме реконструкции конкретно историософии писателя, насколько нам известно, вообще никогда не ставился). Некоторые исследователи лишь предостерегали от методологического соблазна «свести идею писателя к системе философа» [1. С. 5], ибо, как писал В.В. Зеньковский, Достоевский «в эмпирическом рисунке следует чисто художественному чутью и не подгоняет художественное творчество под свои идеи» [2. С. 419]. Белопольский также подчеркивал, что Достоевский был, прежде всего, писателем и «для него важны не стройность системы, не убедительность и краснота идей самих по себе, а их бытование в живом, страдающем и стремящемся к счастью герое произведения. Тем самым Достоевский доводил отвлеченные философы до человека, проверял их, испытывал в повседневном человеческом существовании» [1. С. 6]. Что касается одного из первых исследователей философских идей Достоевского С. Булгакова, то он пришел к следующим выводам: «Систематизация суждений Достоевского в цельное мировоззрение есть задача трудная, имеющая в себе нечто искусственное и, в известной сте-

пени, насильственное» [3. С. 92]. Реконструкция философии Достоевского, по Булгакову, является всего лишь бледной схемой, попыткой «отгадать его слово» [Там же], не более того.

Достаточно интересную точку зрения на данную проблему можно встретить в работе И.И. Евлампиева «История русской метафизики в 19–20-м веках» (Гл. 2: Личность как Абсолют: метафизика Ф. Достоевского). Евлампиев также утверждает, что «всякий исследователь, стремящийся понять главные составляющие философских воззрений Достоевского, должен признать невозможность во всей полноте реализовать поставленную задачу» [4. С. 93], потому что у Достоевского нет связанного комплекса идей, но есть «непосредственность “живой жизни”, главный “персонаж” его повестей и романов – это сама стихия жизни, проследживаемая вплоть до ее невидимых корней в бытии» [Там же].

Вслед за И.И. Евлампиевым все методологические подходы в изучении философии Достоевского можно было бы разделить на две противоположные группы. В основе такого деления нами положен ответ на вопрос, что можно считать «центральной осью» в философии Достоевского?. Под «центральной осью» будем понимать общее исходное начало (идея, мысль, категория, философема и т.п.), объединяющее отдельные философские суждения в некую концептуальную целостность.

Итак, мы выделяем две методологические позиции, условно названные нами как:

1. *Методологический монизм* (где философия Достоевского сводится к «центральному» и выводится из «центрального» (будь то базовая идея, центральный герой или Абсолют). В рамках данной парадигмы работали такие мыслители, как С. Булгаков, Н. Лосский, В. Розанов. И.И. Евлампиев назвал этот подход «монистической» интерпретацией философских идей Достоевского.

2. *Методологический плюрализм*, или, по И.И. Евлампиеву, «модельная» концепция М. Бахтина: признание «плюралистичности» философии Достоевского, ее несводимости к одному центру или идее.

По мнению И. Евлампиева, «монистическая» интерпретация философии Достоевского «настолько распространена и носит настолько всеобщий характер, что ей в той или иной степени отдали дань практически все исследователи Достоевского» [4. С. 94]. Допустим, что так оно и есть. Однако и методологический плюрализм (даже если бы все исследователи работали в рамках

этого подхода), на наш взгляд, вряд ли стал бы гносеологической панацеей. Действительно, ведь исследуя философскую мысль Достоевского, ученый имеет дело не с целостными (с концептуально-понятийной точки зрения) и явно выраженными философскими мыслями, объединенными в философскую доктрину (через систему категорий), а с рыхлым набором «разбросанных» по разным художественным произведениям неявно выраженных философских идей. Но ведь реконструкция философской (и историософской в частности) концепции Достоевского предполагает, что этот разрозненный «хаос» идей необходимо как-то рационализировать и структурировать. А это возможно сделать через связующее звено в виде «центрального элемента» (в наших терминах – «центральной оси»).

С другой стороны, если мы будем основываться только на идее поиска и анализа «центрального элемента» в философии Достоевского, то рискуем редуцировать предмет исследования до неузнаваемости: сведя ее к одному «центральному» началу, сложно ухватить антиномичность мышления писателя, а также диалектичность его мировоззрения в целом... Необходимо иметь в виду, что «его мысль до конца дней движется в линиях антиномизма» [2. С. 421].

Таким образом, мы оказались, образно говоря, между «сциллой» и «харибдой». Как выйти из такого методологического тупика?

Думается, что для разрешения данной проблемы необходим некий методологический дуализм, или новая «модельная» концепция, которая могла бы органично синтезировать позитивные моменты методологического монизма и плюрализма. Представляется, что И.И. Евлампиев серьезно обозначил контуры такого синтеза.

Действительно, элементы (мысли, суждения) в метафизике Достоевского не могут быть расположены иерархично (по принципу «главное – зависимое»), поскольку в этом случае разрывается «идейный» континуум и результат реконструкции становится слишком искусственным.

Необходимо выделять такой центральный элемент системы, который находился бы с другими элементами в определенных динамических отношениях. Евлампиев считает таковым категорию «личность», которая есть Абсолют и которая понимается как «центрированность и динамическая активность бытия» [4. С. 160], и, таким образом, «в определении смысла каждого элемента основное значение имеет его отношение к началу личности» [4. С. 125].

Важнейший, на наш взгляд, вывод сделан далее: «Теперь можно сказать, что эта динамическая активность реализует себя через диалектику любви и свободы, которые выступают как полярные “атрибуты” бытия» [4. С. 160], что «...становится самым глубоким источником многих феноменальных противоречий...» [Там же].

Конечно, можно не соглашаться (и мы не согласны) с тем, что центральным элементом является категория «личность», а динамическая активность проявляется конкретно в диалектической связи категорий «любви и свободы», поскольку на роль таких связей вполне обоснованно могут претендовать и другие, например,

рабство – свобода, подвиг – падение, Христос – Антихрист, преступление и наказание. В выводах Евлампиева в первую очередь представляется *методологически ценным* тот факт, что автор видит центральный элемент системы как реализующуюся в определенной диалектической связи динамическую активность бытия. Тем самым он в какой-то мере избежал крайности методологического монизма (тяготеющего к статическому способу умопостижения «центрального элемента» вне его диалектических связей с остальными элементами) и методологического плюрализма (выдвигающего на первый план абсолютное равноправие всех элементов и описывающего их в отдельности).

2. От постановки проблемы к способам ее решения

Итак, эксплицировав наличие *методологического затруднения* в реконструкции философии Ф.М. Достоевского и обозначив необходимость рефлексии над ним, мы дали предварительный обзор вариантов решения поставленной проблемы.

Перейдем к выдвижению нашей гипотезы, цель которой – обрисовать контуры новой исследовательской (методологической) «парадигмы» применительно, в первую очередь, к историософской концепции (а не к философии Достоевского в целом).

Соглашаясь с общеметодологическими принципами Евлампиева, мы, тем не менее, расходимся с ним в вопросах: *где и как* искать центральный элемент (в наших терминах – «центральную ось»), а также *что*, в конце концов, им считать.

«Центральную ось» историософской концепции Достоевского предлагается обнаружить, во-первых, не в самой историософии, а за ее пределами (в надсистеме), в более широком контексте – в глубинных основаниях мировоззрения писателя, исходя из ее основного вопроса. Во-вторых, «центральную ось» будем искать не в понятийной плоскости, а в концептуальной. Проясним эти тезисы далее в нескольких пунктах.

Пункт 1. Историософская мысль Федора Михайловича не является базисной (исходной) в структуре его мировоззрения, поскольку основной вопрос Достоевского связан не с историей, а прежде всего с человеком (а это уже антропологическая категория).

Проблема человека, очевидно, является отправным пунктом его мировоззрения, центральной и смыслоопределяющей (и это признают практически все его исследователи).

Известно высказывание самого Достоевского: «Человек есть тайна. Ее надо разгадывать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком» [5. С. 63]. При этом важно иметь в виду, что Достоевского интересует «живой», страдающий человек, а не «сухая» абстракция.

Итак, это значит, что «центральная ось» историософской концепции Достоевского не может находиться в самой историософии (в системе ее категорий, идей), ибо она (историософия) «вторична», «дериивативна» по отношению к философии человека, которая является как бы *над-системой*, определяющей и организующей свои *под-системы*.

Пункт 2. Зададимся вопросом: а что именно интересует Достоевского в этой широкой, по сути антропологической проблематике? Какие ее аспекты будоражат мысль писателя более всего? Думается, что и здесь ответ лежит на поверхности.

Во-первых, антропологические интересы писателя обращены к человеку, нравственно страдающему, переживающему (т.е. *homo moralis*). Еще А. Бем писал, что центральная проблема Достоевского – «это проблема замкнутой в себе личности, проблема отъединения, ощущаемого в глубине сознания грехом и приводящего, в конечном счете, к катастрофе» [6. С. 187].

Во-вторых, Достоевский исследует *homo moralis* в динамической ситуации выбора (речь идет, конечно же, о нравственном выборе). Если вспомнить романы Достоевского, то практически все ключевые персонажи постоянно находятся перед лицом такого выбора (Раскольников перед совершением преступления, Раскольников после совершения преступления, Раскольников в Сибири, Иван Карамазов после отцеубийства, Дмитрий Карамазов во время следствия и т.д.).

Итак, мы утверждаем, что *homo moralis* в ситуации выбора (или этико-экзистенциальная сторона проблемы человека) является ключевой для Достоевского. Все остальные проблемы, идеи, «сюжеты» (историософские в частности) лишь вытекают из нее.

Пункт 3. Теперь, найдя значение некоторых «переменных» (основной вопрос, ключевая тема), попытаемся определить последнюю «переменную» – «центральную ось» мировоззрения Достоевского, т.е. какое понятие (или категория) можно рассматривать в этом качестве (то бишь в качестве «центральной оси»). Но вот тут-то мы и попадаем в очередную ловушку. Загвоздка вот в чем: можем ли мы исследовать «центральную ось» мировоззрения Достоевского, рассматривая ее в качестве понятия?

Дело в том, что мировоззрение Достоевского имеет «жизненную силу» (о чем говорилось еще в первом параграфе), и, попадая в прокрустово ложе понятий (Достоевский, как известно, свои мысли не облачал в понятия, а лишь выражал их при помощи обычных простых слов), оно теряет свою первоизданную «свежесть» и, говоря словами С. Булгакова, превращается в бледную схему. Ведь любые понятия статичны, «разрывают» мысль, фрагментируют и схематизируют ее. Отличительной чертой классического понятия является его принципиальная безобразность, «чистая рациональность» [7. С. 158], поскольку понятие содержит только существенные характеристики объекта.

Поэтому «центральную ось» мировоззрения Достоевского нами предлагается рассматривать не как понятие, а как *мировоззренческий концепт*.

Пункт 4. Почему концепт?

Во-первых, концепт (а мы понимаем его не как синоним понятия, а шире – как отдельное когнитивно-ментальное явление) состоит не только из описательно-классификационных, но и чувственно-волевых и образно-эмпирических характеристик, включая в себя и художественные образы, и фольклорные мотивы, и философы.

Важно то, что «в отличие от понятий концепты не только мыслятся, они переживаются. Они – предмет

эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений» [8. С. 405].

Мировоззрение (и историософия в частности) Достоевского – осмысленный и вместе с тем пережитый им исторический опыт.

Как писал К. Мочульский, философия Достоевского есть «выжитая философия» [9. С. 315], т.е. пережитая им самим.

Во-вторых, отсутствие понятийного философского аппарата у Достоевского компенсируется в принципе наличием концептосферы в его мировоззрении. Можно утверждать, что мировоззрение Достоевского концептуально (оно написано концептами, а не понятиями).

Критики возразят нам, что основной «строительный» материал для Достоевского – это, прежде всего, художественные образы: у Достоевского имеется замечательная галерея романских персонажей, и вся его философия «написана» именно этими персонажами (таким образом, нас спросят: чем идея исследования литературных персонажей отличается от идеи исследования концепта?). Но все-таки, в отличие от романских персонажей, концепт имеет, так скажем, не только образный, но и языковой субстрат, т.е. концепт – то, что относится к языку (имеет языковую объективацию). А поскольку мы намереваемся проводить реконструкцию историософских идей Достоевского в рамках теоретико-философского жанра, постольку наличие языкового субстрата для анализа имеет важное значение (все-таки описательный анализ романских персонажей – это поле деятельности для эссеистов и литературоведов).

Таким образом, «центральная ось» мировоззрения Достоевского может быть выражена каким-либо концептом.

Пункт 5. Концептосфера мировоззрения Достоевского достаточно обширна, и крайне сложно выбрать из списка концептов такой, который можно было бы назвать базовым, центральным («центральной осью»). Однако мы можем определить, какими характеристиками должен обладать этот концепт.

Во-первых, он должен сквозным мотивом проходить почти через все основные философские произведения писателя, являться основой для большинства сюжетов, что будет свидетельствовать о ее значимости для Достоевского.

Во-вторых, концепт должен соответствовать основному вопросу мировоззрения Достоевского: *homo moralis* в ситуации нравственного выбора.

В-третьих, он должен быть диалектическим, динамичным, чтобы отражать специфику существования философских идей Достоевского и особенности его мышления в целом (а эту особенность нельзя не учитывать, раз мы исследуем «продукт» мышления).

На сегодняшний момент (предварительно осмыслив художественные и некоторые публицистические произведения Достоевского) мы пришли к предварительному выводу, что «центральной осью» мировоззрения Достоевского можно назвать концепт «преступление и наказание».

В последующих публикациях мы подробно опишем нашу гипотезу, а в рамках настоящей статьи ограничимся ответом на вопрос: что необходимо сделать с определенным концептом далее? А далее его необхо-

димо проанализировать. Для этого понадобится решить еще одну проблему, связанную уже с методами исследованием концепта. Таких методов, надо сказать, предложено немало в научной практике, и наша задача будет состоять в том, чтобы, во-первых, отделить фило-софские методы от лингвистических (последние имеют смысл для лингвистов), во-вторых – адаптировать их «под задачу»: т.е. вычленив из них необходимые для эффективности нашей работы элементы.

После того как концепт будет проанализирован и мы выявим его смысл, необходимо «приложить» его к историсофским идеям Достоевского, посмотреть на него как на связующий их центр.

Кстати, концепт «преступление и наказание» вполне «справляется» с такой ролью. Действительно, все высказывания Достоевского по историсофским проблемам укладываются в этот концепт, сконцен-трированы в нем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белопольский В. Достоевский и позитивизм. Ростов н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 1985. 71 с.
2. Зеньковский В. История русской философии. Париж : YMKA-PRESS, 1948. Т. 1. 470 с.
3. Булгаков С. Очерк о Ф.М. Достоевском. Чрез четверть века (1881–1906) // Булгаков С.Н. Тихие думы. М., 1996. 240 с.
4. Евлампиев И. История русской метафизики в 19–20-м веках. Русская философия в поисках Абсолюта. СПб. : Алетей, 2000. 413 с.
5. Достоевский Ф. Полн. собр. соч. : в 30 т. Т. 28, кн. 1. 551 с.
6. Бем А. Достоевский. Психоаналитические этюды. Прага, 1938. 150 с.
7. Войцилло Е. Понятие как форма мышления: логико-гносеологический анализ. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1989. 239 с.
8. Степанов Ю. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997. 824 с.
9. Мочульский К. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М. : Республика, 1995. 606 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 5 сентября 2012 г.